

902.6(с 725) + 902.6(с 725)

ՀԱՄԱՅՆՈՒ
ՅՈՒՆԵՍԿՈ

Акад. С. ДЖАНАШИА

R 118.845
2

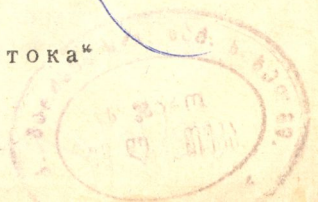
ОБ ОДНОМ ПРИМЕРЕ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

По поводу книги Н. Токарского „Архитектура
древней Армении“

~~267.4.11~~
+

6303-200
ՀԱՄԱՅՆՈՒ

Издательство „Заря Востока“
Тбилиси—1947 г.

Историческая наука в нашей стране сделала значительные успехи. Окруженная вниманием и заботой социалистического государства и общества, где нет общественного антагонизма, так долго сковывавшего объективное историческое познание, вооруженная подлинно научной, марксистско-ленинской методологией, советская историческая наука обратилась в передовую часть мировой исторической науки, обогащая усвоенные ею все положительные приобретения и традиции прошлого новыми выдающимися достижениями.

Своего нынешнего состояния советская историческая наука достигла в непримиримой принципиальной борьбе с чуждыми, враждебными направлениями и установками. Сталинские указания, лежащие в основе известных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16.V.1934 и 26.I.1936, а также Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории», вскрывшие и заклеившие эти тенденции и практику как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», как «попытки ликвидации истории, как науки», явились вместе с тем источником, ярко освещающим дальнейший путь развития нашей науке.

Однако ликвидаторы истории как науки еще не появились у нас полностью. На такую мысль наводит вышедшая недавно книга Н. М. Токарского «Архитектура древней Армении» (Академия наук Арм. ССР, Институт истории. Отв. редактор И. А. Орбели, Ереван, 1946). Автор поставил себе целью «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих и чем обменялись они со своими зарубежными собратьями по профессии в сложном процессе создания многообразных архитектурных форм» (стр. VIII—IX). Задача—почетная и актуальная. Однако богатое архитектурное наследие армянского народа в книге Токарского не получило достойного отражения. Порочная методология автора, тенденциозность, неряшливый стиль изложения, побуждения, не имеющие ничего общего с задачами научного исследования,—вот что поражает в этой книге, случайно, конечно, носящей марку высокого научного учреждения.

Для общей характеристики книги укажем, что в академическом издании, долженствовавшем, согласно объявленному плану, дать представление о почти полуторатысячелетнем процессе развития архитектурных форм, читатель находит всего лишь два разреза. О дворцах в Двине и Вагаршапате даны только сбивчивые описания, два снимка фрагментарных архитектурных украшений и реконструкция «дворика палат католикоса», выполненная Токарским. Автор не счел нужным приложить планы этих построек, ныне находящихся в развалинах. О том, чего порой стоят подобные реконструкции разрушенных зданий, сообщает читателю сам Токарский в конце данного раздела: «В юго-восточном углу южной части патриарших палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая в реконструкции архитектора Т. Тораманяна представлена как трехнефная базилика. На самом деле здесь, вероятно, была небольшая однефная часовня»... (стр. 48). Да и о своей собственной реконструкции Токарский рассказывает такие подробности: «На схематической реконструкции окна и двери в продольной стене размещены произвольно, так как никаких данных о них в развалинах найти нельзя»... (стр. 44, прим.)

«Можно дать и другую реконструкцию здания, предположив, что здесь был не дворик, а зал», и т. д. (стр. 45, прим.). Условность и гипотетичность, неизбежные в подобного рода научной работе, доведены в данных случаях до того предела, когда реконструкция теряет всякий смысл и значение.

Множество других противоречий и логических неувязок остается вовсе незамеченным для автора. Так, он утверждает, что «армянские зодчие не остаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь—залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). На чем же основано это ответственное заявление? Только на догадках и домыслах, взаимно исключающих друг друга, и ни на одном факте. Отсутствие фактов неспособно смутить автора,— есть, чем их заменить. «Едва ли купольная форма постройки,—продолжает он,—была выработана только в связи с церковным строительством; *надо полагать*, что техника возведения куполов была хорошо известна архитекторам (каким?— С. Д.) значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных ранее VI в., не может служить доказательством противного, *ибо трудно предположить*, чтобы в стране, тесно связанной с сасанидской Персией (и не только в порядке временного подчинения ей), не знали о замечательных дворцовых сооружениях, возведенных по повелению сасанидских властителей, которые (т. е. сооружения, а не властители! — С. Д.) и до сих пор способны восхищать самых требовательных ценителей искусства» (там же). Просто и ясно: в Армении не сохранилось купольных построек, возведенных ранее VI века, но зато они сохранились в соседней Персии; Армения же испытала не только политическое, но и культурное влияние Персии; поэтому *трудно предположить*, чтобы Армения не заимствовала купольной формы постройки из Персии. Но ведь в таком случае пальма первенства в деле выработки купольных построек переходит к персидским зодчим! Однако Токарский не считается с подобными препятствиями, он невозмутимо продолжает: «*Еще не выяснено*, где (в Персии или Армении) была раньше при-

менена та своеобразная форма сводчатого перехода в куполу в виде полуконуса, известная в архитектуре под названием конического паруса или тромпа..., которая только в середине VII в. была решительно вытеснена пришлым с запада сферическим парусом» (там же). Таким образом, хотя купол в целом заимствован армянами у персов, основной элемент купола, сводчатый переход в форме конического паруса, остается еще загадкой, он может быть и персидского происхождения, и армянского, а в другой своей форме, в форме сферического паруса, он определенно заимствован армянами уже у западных народов. Путаница однако на этом не кончается. В непосредственно следующей фразе уже утверждается, что купол и в целом может быть чисто армянского происхождения: «Трудно также предположить, чтобы зодчие, встречавшие на домах в каждой деревушке шатровую деревянную кровлю, поддерживаемую столбами, не пришли к мысли о куполе» (здесь, как и во всех нижеследующих цитатах, подчеркнуто нами.—С. Д.). И все это преподносится на одной странице!

Конечно, таким методом, при помощи всемогущих формул: «едва ли», «надо полагать», «трудно предположить», «трудно также предположить» и т. д. (здесь они все выписаны из одного абзаца, но вся книга пестрит ими) можно «доказать» все, что угодно.

И действительно, внимательному читателю не трудно заметить, как бездоказательны утверждения Токарского. Много значительных памятников армянской архитектуры описано совершенно поверхностно. Подлинный стилистический анализ памятников отсутствует. Датировка их, имеющая столь важное значение, большей частью вовсе не обоснована или обоснована очень странно. Так, о базилике в Ереруйке, в самом начале ее описания, сказано, что относится она к числу «дошедших до нас наиболее древних церквей» (стр. 49), затем мимоходом обронено, что «позднее здесь возвели новый портик... Портики базилики, построенной в V веке, предназначались» и т. д. (стр. 52). О Текорском храме говорится: «К тому же времени (т. е. ко времени построения Ереруйкской базилики.—С. Д.) обычно приурочивают и постройку собора в Текоре (Дигоре)» (стр. 53), а из датировки храма в

Дравусе, отнесенного к «первым векам христианства (V—VI в.)» (стр. 55), мы узнаем, что древнейшие церковные постройки в Армении есть постройки V и VI веков, хотя христианство стало государственной религией Армении в IV веке (стр. 48). Между тем, с точки зрения вопросов, поднятых в книге, имеет значение датировка в пределах десятилетий (см., например, рассуждения Токарского о датировке Мцхетского «Джвари»)¹. О церквях в Аштараке и Касаге сказано, что они «были построены не позднее VI в.» (стр. 55). Почему,—остается неизвестным. Зато на стр. 121 тот же Аштарак причислен к «ряду церквей VI—VII вв.». Многоабсидный храм в Егварте провозглашен постройкой VII века (стр. 106), и нет ни одного слова в подтверждение этой датировки. Хронология же многоабсидных храмов очень важна, потому что до сих пор господствовал взгляд, что подобные постройки появляются не ранее X века.

Путаница и противоречия в тексте иногда достигают необъяснимых размеров. Так, на стр. 210—211 читаем: «В Хахуле чередуются клинья двух цветов. Этот прием, видимо, произвел такой эффект, что в некоторых уже существовавших постройках арки из разноцветных клиньев над окнами были воспроизведены краской по обычной горизонтальной облицовке (Ошк, Пархал). Наличие подобной имитации в Ошке на богато убранном окне западного фасада, композиционно одинаковым (так!—С. Д.) с южным окном церкви в Хахуле, показывает, что последняя была построена несколько позднее, но мастерами той же школы». Каким образом наличие в Ошкском храме подражания Хахульскому может служить указанием на более позднее время постройки Хахульского храма, навсегда останется тайной Токарского.

Еще более оригинальным представляется следующее доказательство автора. В связи с опубликованным в специальной литературе утверждением, что в Мцхетском «Джвари» была впервые разработана соответствующая архитектурная тема, Токарский возражает: ...«хорошо из-

¹. . . .»Об окончании постройки в Мцхете до 604/5 г. не может быть и речи; свидетельства хроник и характер убранства позволяют отодвинуть дату ее окончания к тридцатым годам VII в. . . . пишет Токарский на стр. 92.

вестно, что, кроме построек, стоящих на поверхности, в Армении и Грузии под землей скрыто не мало развалин монументальных сооружений, среди которых могут оказаться и церкви интересующего нас типа, построенные раньше и Авана и Мцхеты» (стр. 91). Автор не замечает, что эта «подземная» аргументация, к которой он прибегает часто и в других местах своего сочинения, больше, чем что-либо другое, указывает на то, что уже исчерпаны все остальные материалы, с которыми только и может считаться наука.

Главным основанием предположения автора, что Эчмиадзинский храм вначале представлял собой базилику, служит то, что «в церковном песнопении «гандз»-е некоего Атома в честь Эчмиадзина он называется Сионом,— а как установил И. А. Джавахов, в грузинском языке это наименование всегда обозначает базилику»... (стр. 61). Помимо всего прочего, следует отметить, что автор здесь игнорирует данное в новейшей литературе совершенно иное толкование термина «сион» и для самого грузинского языка. Укажем мимоходом также и на то, что если бы Токарский отнесся серьезнее к этому вопросу и глубже вник в сообщения источников, он мог бы обнаружить термин «сион» не только в поэтической литературе, показания которой в данном случае имеют лишь косвенное и побочное значение. Так, купольная постройка XIII века в Сагмосаванке в самой надписи этого храма два раза названа «святым сионом»¹. Что же это значит?

Поверхностно, бездоказательно рассмотрены весьма важные вопросы о происхождении и развитии купольных базилик и «купольных зал», хотя автор позволяет себе, в связи с этими вопросами, далеко идущие утверждения (стр. 62—68).

О зодчем замечательного грузинского храма «Джвари» в Мцхета Токарский говорит, что он «окаймил купол своего творения типичным армянским карнизом» (стр. 92). Между тем, в другом месте, излагая свои «некоторые соображения о происхождении этой формы» (имеется в виду вышеназванный тип карниза), сам же Токарский

¹ Վիմական տարեգիր, . . . Կաղմիաց Կ. Կոստանեանց, Ս.—Պ., стр. 58.

называет в качестве ступеней ее эволюции пример из Малой Азии, а также «карниз из церкви в сел. Габани на Военно-Грузинской дороге» (стр. 121), т. е. пример из Грузии. Так почему же этот карниз «типично армянский»?

По поводу того же «типично армянского» карниза в «Джвари» автор пишет: «Факт этот не может вызывать недоумения, так как в Грузии имеется церковь, известная под названием «Атенского Сиона», очень сходная с мцхетской, которую построил архитектор армянин»... (стр. 92). Факты культурного заимствования могут вызывать недоумение только у Токарского. Наука их изучает имеющимися в ее распоряжении объективными методами. Но в данном случае Токарский не находит нужным сообщить читателю все известные факты. Так, в специальной литературе неоспоримо установлено, что Атенский храм построен позже Мцхетского и является неудачным подражанием последнему!

Так обстоит дело в книге Токарского с реализацией одной части ее объявленной программы: «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих»... Уже из разобранных нами выше высказываний Токарского читатель мог усмотреть также и то, как выполняется в книге вторая часть той же программы: «проследить... чем обменялись они (армянские зодчие.—С. Д.) со своими зарубежными собратьями по профессии»... Но на этом вопросе стоит остановиться дольше.

На деле обмен тут трактуется декларативно (так, например, в «Заключении»), отношение к внешней культурной среде — однобоко и с нарочитостью. Причем без путаницы и противоречий не обходится и здесь.

Вот несколько характерных, с данной точки зрения, высказываний Токарского: *«Было бы ошибкой отождествлять древнейшую архитектуру Армении с архитектурой урартов, создавших задолго до христианской эры первое государство в Закавказье. Но вполне возможно, что армянский народ, в состав которого наряду с основным ядром — армянами вошли и урарты, использовал в какой-то мере в своем строитель-*

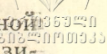

стве опыт мастеров древнего государства, территорию которого он занял. Нужно, однако, отметить резкое отличие построек, возведенных значительно позднее армянскими зодчими, от сооружений урартов, строительная техника которых более близка к технике народов Месопотамии, в частности ассирийцев» (стр. XIII)... «Из сказанного явствует, насколько далеки друг от друга архитектурные памятники урартов и армян по общему решению, технике и отделке и с какой осторожностью нужно подходить к вопросу о преемственности, чтобы не впасть в ошибку» (стр. XVI). Следовательно, использовать опыт древних урартских мастеров армянские зодчие не могли ни в области общих решений, ни в технике, ни в отделке. Спрашивается, где же они могли этот опыт использовать?

«Эллинизм, сыгравший значительную, прогрессивную роль во всех областях жизни страны, не исключая и искусства, потерял благоприятную почву для распространения своего влияния и должен был уступить место Риму. В дальнейшем, уже в первые века христианства, в архитектуре можно встретить лишь отзвуки эллинистических и римских форм—волюту на капители, зубец и модульон на карнизе, сильно переработанный акант. Армянские зодчие нашли собственные пути, с которых ни разу не свернули, хотя на протяжении веков и встречали немало опасных перекрестков» (стр. 12—13).

Далее. Мы уже приводили выше рассуждения Гокарского на тему о том, что «армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь — залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). В дальнейшем утверждается: «Интересно, что значительно позднее, в XII—XIII вв., когда купол в церковном зодчестве имел уже семивековую давность, архитекторы, создавая последнюю новинку—притвор, обращаются все к тому же сельскому дому, воспроизводя в камне шатровое покрытие с световым отверстием, основанное на колоннах. Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям»... (стр. 58—59). И хотя в Армении «древнейших купольных церквей исходного вида пока не обнаружено» (стр. 59), однако несомнен-

но, уверяет Токарский, что «армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство (особенности местной базилики.—С. Д.) и создали в первой половине VII в. ряд прекрасных купольных базилик» (стр. 62) и что именно в этих «купольных базиликах VII в. создается форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества Закавказья» (стр. 64)... «Армянские памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно говорят о том, что этот тип был разработан здесь на основе базилики» (стр. 65; см. также стр. стр. 68, 73, 111, 112-113, 118-119 и др.). Наконец, Токарский заявляет, что к первой половине VII века «уже представляется возможным говорить о вполне сложившейся армянской классике, на которой, несмотря на многие превратности, зиждется творчество всех последующих поколений армянских зодчих» (стр. 132).

Таким образом, все основные архитектурные формы оказываются возникшими на месте, отсюда они распространились в другие страны. Нет необходимости отказывать охотникам в праве подобной постановки вопроса. Требования читателя скромны: он просит только фактов и доказательств. А как с фактами и доказательствами у Токарского в связи с этим кругом вопросов?

Наиболее ярко научная методология и общественные установки Токарского сказались в его рассуждениях об отношении армянской архитектуры к архитектуре грузинского народа, векового соседа армян. Здесь, конечно, культурного обмена нет и в помине, здесь автор даже не довольствуется утверждением об исключительно одностороннем влиянии, что можно было видеть и выше,— он идет дальше.

Не забегая вперед с оценками, рассмотрим терпеливо соответствующие места книги Токарского.

«Гвоздь» книги — попытка изобразить всю Южную Грузию с ее населением и культурой, как инонациональный мир. Здесь речь идет о южно-грузинских провинциях, расположенных в бассейне реки Чороха и по верхнему течению реки Куры. До падения рабовладельческой государственности в Грузии эти области непосредственно входили в

пределы Восточно-грузинского и Западно-грузинского царств. В период вызревания феодальных отношений в Грузии они составляли одно из значительнейших грузинских феодальных образований, обычно именуемое Тао-Кларджетией (IX—X вв.), по двум своим ведущим областям—Тао и Кларджети. Помимо этих провинций в Тао-Кларджетское царство входили и играли в его жизни видную роль и другие области, как-то: Адчара (Аджария), Шавшети, Самцхэ, Джавахети, Артаани (Ардаган; в то время это—название области, а не города, получившего такое наименование от области, будучи ее центром, позднее), Кола, Спери и др. Токарский не оставляет сомнения в том, что дело касается именно этой территории. В одном случае он прямо говорит о своем предмете, как об «архитектуре Тао-Кларджии (т. е. Тао-Кларджетии.—С. Д.) второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете» (стр. 146. Следует отметить, что Тбетский памятник, сохранившийся до наших дней, находится на территории Шавшети, одного из самых северных районов Тао-Кларджетии. — С. Д.). В другом случае у Токарского эти земли называются «областями в бассейне реки Чороха» (стр. 200), чаще же всего они в книге именуются Тайк-ом (армянская форма названия Тао), что должно заменить обычную Тао-Кларджетию. Что же утверждается об этом крае?

Г Территория. Утверждается, что эти «западные армянские области в бассейне реки Чороха, бывшие некогда уделом известных княжеских родов (каких?—С. Д.), в которых (в областях, а не в родах. — С. Д.) во время арабского нашествия отсиживались Багратиды, во второй половине X века входили в состав самостоятельного государственного образования, во главе которого стоял умный, энергичный тайкский куропалат Давид» (стр. 200), что это — «исконные армянские земли» (...«такой прием известен и в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете... Связи багратидской Армении с этими исконными армянскими землями... общезвестны» — стр. 146; ...«западные районы Армении, расположенные в Чорохском бассейне» — стр. 135; ...«из Ишхана, селения в древней армянской халкидонитской области Тайке»...—

стр. 95; «Нерсес, уроженец халкидонитской армянской области Тайка»...—стр. 46). На чем же основано это категорическое утверждение? Ни на чем. Токарский не приводит ни фактов, ни соображений в пользу своего тезиса.

А между тем, при желании и при даже небольшой объективности он мог бы разобраться в вопросе о территориальной принадлежности данных областей. Если ему не угодно пользоваться грузинскими известиями, он имел возможность заглянуть (это было бы желательно) в греко-римские источники и обязан был (решаемся утверждать это!) уделить немного внимания армянским сообщениям.

Восстановить подлинную научную историю этой территории вовсе не трудно, опираясь на показания авторитетнейших исторических источников. Проникая на южную, месопотамскую окраину Халдского государства уже с VI—V вв. до н. э., армянские племена только после 189 года до н. э. занимают такие районы, как Дерджан и Карин — нын. Эрзерумскую область (Страбон). Отныне пограничная линия между Грузией и Арменией проходит по Араксу (Аполлодор). При Тигране II, в семидесятых годах I века до н. э., происходит дальнейшее расширение границ Армении. В это время, нужно думать, была занята провинция Спери (у Страбона — Сиспиритида). Тао же продолжает оставаться в пределах Грузии: подробно перечисляя армянские области, Страбон (начало I в. н. э.) среди них нигде и никак не упоминает Тао.

К началу христианской эры граница между Арменией и Грузией проходит, как это можно усмотреть из сравнительно-критического изучения современных источников, по Кура-Араксинским водораздельным хребтам, причем средняя часть Чорохского ущелья входит в пределы Грузии. Здесь Страбон границу полагает в Мосхийских горах, а Плиний утверждает, что территория Иберии простиралась до Париадрийских гор. Если даже согласиться с принятым всеми исследователями мнением, что Париадр древних есть нын. гора Пархал (мы считаем, что наименование Париадр относится к горам, находящимся далеко к юго-западу от Пархала), и в этом случае мы получим:

несомненное свидетельство того, что во взятую эпоху Тао юго-западной границей которого как раз и служила Гора Пархал, составляло часть Восточно-грузинского царства.¹

I—III века нашей эры есть период значительного усиления Грузинского царства. Армения же, превращенная в арену непрекращающихся войн между Римом и Ираном, постепенно слабеет и истощается. Это — время нового передела территориальных владений на армяно-грузинской границе. Наше утверждение относится, прежде всего, ко второй трети I века, когда на армянском престоле сидят представители грузинского царского дома. Важно также сообщение Тацита, что в 58 году н. э. по повелению грузинского царя Фарсмана I в Армению вторгаются месхи.² Следовательно, месхи в это время продолжают оставаться подданными грузинского царя. А ведь месхи, как это известно всем, есть название жителей тех самых южно-грузинских провинций, которые в IX—X веках и составляют царство Тао-Кларджетию. Но из этого следует и тот вывод, что территория позднейшей Тао-Кларджетии в середине I века н. э. составляла часть Грузинского царства. Есть основание также полагать, что сообщение Д. Кассия об увеличении территории Грузинского царства при имп. Адриане имеет в виду расширение его границ в южном направлении.

Для середины же VI века знаменитый византийский историк Прокопий Кесарийский, поразительно осведомленный в закавказских делах писатель, вновь подтверждает, что месхи, занимающие высокогорную страну, издавна являются грузинскими гражданами.³

С основанием южно-грузинского феодального княжества Тао-Кларджетии положение в рассматриваемых районах приобретает еще большую ясность и определенность. Территория княжества все больше и больше расширяется к югу, включая в себя один за другим ранее утраченные районы. В 952 году византийский император Константин Багрянородный, столь же превосходно ин-

¹ С. Джанашиа. „К политической географии Иберского (Картлийского) царства в древнейший период“. *Сообщения АН ИССР*, 1942 г., № 7.

² Annales, XIII, 37.

³ De bello Gothico, VIII, 2.

формированный о кавказских делах, как и Прокопий, категорически удостоверяет, что владения тао-кларджетских Багратионов подступали к самому Феодосиюполю, нын. Эрзеруму, и что граница между Грузией и империей в этом секторе проходила по реке Араксу. Константин пишет: ...«по его (грузинского куропалата) просьбе (решено), чтобы границей Фазианы (груз. Басиани, область смежная с Эрзерумской. — С. Д.) служила река Еракс, или Фазис, и чтобы земли влево, в сторону Иверии (Грузии), принадлежали иверам (грузинам), а вправо, в сторону Феодосиюполя, крепости и селения — нашему величеству, и чтобы река служила гранью между обоими владениями». ¹ К концу того же века глава Тао-Кларджетского царства Давид III Куропалат присоединил к своим владениям новые обширные области вплоть до северного побережья Ванского озера и до гор Эрзинки (нын. Эрзинджан). Нечего и говорить, что объединенное Грузинское царство еще более прочно укрепилось в этих областях.

Что же можно почерпнуть из армянских сообщений по этому вопросу? Возьмем наиболее субъективно окрашенный источник, известную «Армянскую географию», которую традиция приписывает Моисею Хоренскому и полагает сочинением V века н. э. Исследователи же датируют ее — одни VII веком, другие IX-ым. Этот памятник, проникнутый национальной тенденцией и потому порой грешащий против истины, так описывает Грузию: «Колхида, то-есть Егер (груз. Эгриси. — С. Д.), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией. Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егревика, Лазив, Чанет, то-есть Халды». Таким образом, «География» относит к Колхиде не только современную Западную Грузию (Мингрелию, Гурию, Аджарию и др.), но и весь Лазистан, а также область чанов, тех же халдов, т.-е. области к западу и югу от Трапезунта. В том же описании Колхиды говорится, что Чорох есть река Колхиды,

¹ Сочинения Константина Багрянородного: „О темах“ (De thematibus) и „О народах“ (De administrando imperio). С предисловием Г. Ласкина, М. 1899. „О народ х“, гл. 45, стр. 167; там же, стр. 168.

хотя истоки ее находятся в Армении. О Восточной Грузии «География» повествует: «Иверия, то-есть Грузия, к востоку от Егера, в смежности с Сарматией у Кавказа, простирается до пределов Албанских по реке Куре. Области Грузии следующие: Кларджи, Ардаган, Шавшети, Джавахи, Самцхе, Адчара, ...Манглиское ущелье, Квешское ущелье (древнее название нынешнего Башкичетского, или Дманисского, района. — С. Д.), Болнисское ущелье, Трелы (т. е. Триалети.—С. Д.), Кангары, Ташир» и другие. ¹ Тенденция «Географии» в данном случае проявилась в том, что в последующем изложении некоторые из этих областей упомянуты уже в составе Армении, но при этом каждый раз отмечается, что такой-то, мол, областью «владеют грузины». Совершенно очевидно (и не может быть другого толкования), что в VII—VIII вв. принадлежность этих провинций Грузии была общеизвестна и за ее пределами. Этот же факт, в наличных исторических условиях, имел также и этническое значение: в VII—VIII вв. Грузия лишена политического единства и самостоятельности, она сама находится под арабским господством, и выражение «Армянской географии», что названными провинциями «владеют грузины», нужно понимать преимущественно в том смысле, что там сидит грузинское население.

Тао («Тайк») «Армянская география» называет в числе армянских областей. Но вот гораздо более беспристрастный и лучше осведомленный источник, известный армянский историк VII века Леонтий (Гевонд) прямо говорит, что *Кола входит в пределы Грузии (...Հիւսիսէր ի սահման Վրաց ի գիւղակն Կող)*.² А Кола, район истоков реки Куры, по признанию той же «Армянской географии», была частью провинции Тао. Тот же Гевонд в другом месте *Самцхэ* (область города Ахалцихе) определяет как область страны грузинской (...Հիւսիսէր

¹ Текст „Географии“ представлен в нескольких редакциях См., напр., „Армянская география VII в. по Р. X. (приписывавшаяся М. Хоренскому). Текст и перевод“.. изд. К. Патканов, С.-Пб. 1877, стр. стр. 38—40 и 16—17 (текст); „Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée“, ed. p. A. Soukry, Ven., 1881, p.p. 37—39.

² Պատմութիւն Ղևնդեայ մեծի վարդապետի Հայոց, Թ. Պ., 1887
стр. 168.

ა მოიხსენიებს ჩრდით დასავლეთში არსებულ უამრავს
а Моисей Хоренский причисляет Кларджети к
областям Грузии,² и т. д.

Итак, тенденция книжных построений средневекового клирика, раскрываемая его же собственными фактически данными, очевидна. Она и понятна. Непонятно только, когда в наше время и в наших условиях не только не могут, но и не хотят освободиться из плена тех же самых клерикальных конструкций и представлений.

Население. О населении Тао-Кларджетского царства Токарский дает своим читателям такие сведения: «Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства... Они... живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошенном арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться» (стр. 200—201). «Тайкская архитектурная школа второй половины X века создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединенному грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами» (стр. 213). И еще Токарский говорит ...«о древней армянской халкидонитской области Тайке, начавшей очень медленно огрузиниваться после появления здесь грузинских переселенцев в IX в.» (стр. 95). Таким образом, Токарский утверждает, что основную и коренную массу населения Тао-Кларджетского царства составляли армяне, выделившиеся во второй половине X века в самостоятельный государственный организм исключительно вследствие религиозных разногласий: вопрос признания постановлений Халкидонского собора роковым образом расколол армян на две непримиримые группы, которые не могли жить вместе под одной политической кровлей. Вместе с тем, как обычно, ока-

¹ Там же, стр. 138.

² „История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. Эмина“, М., 1893, стр. 133.

зывается, что тао-кларджетская группа армян «несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами».

Автор не называет ни одного факта в пользу своего положения, и не может назвать, потому что таких фактов нет. Все данные говорят об обратном. Но укажем прежде всего, что утверждение Токарского вовсе несостоятельно и с чисто логической точки зрения. Каким образом «основная» и «коренная» масса населения, которая еще многими нитями была связана с собственно Арменией, подчинилась влиянию меньших по числу грузин-переселенцев настолько, что и вовсе огрузинилась? Почему же тао-кларджетские армяне воспринимали именно грузинское влияние? Ведь греко-восточное православие, или, иными словами, халкидонитство (диофизитство), которое, по Токарскому, было единственным связующим звеном между тао-кларджетскими армянами и грузинами, в еще большей мере объединяло этих армян с византийскими греками. Почему же эти армяне ассимилировались именно с грузинами, а не с греками? Ведь само-то халкидонитство местных армян было в значительной степени результатом политического давления Византии, и это давление продолжало действовать также и в IX—X вв. Может быть с целью смягчить это вопиющее противоречие, Токарский глухо говорит, что грузинские переселенцы появились «в опустошенном арабами и эпидемиями крае». Но если это опустошение коснулось населения и ослабило здесь армянский элемент настолько, что дало возможность грузинам беспрепятственно стать господами положения, тогда все последующие уверения Токарского, долженствующие внушить читателю мысль о непрерывной преемственности здесь армянской культуры, оказываются совершенно необоснованными: не было носителей культуры, — не было и самой культуры.

Правда заключается в том, что основная, коренная масса населения в тао-кларджетских областях была исконно грузинской по языку и культуре, а армяне, если они где и были, являлись именно переселенцами. Существование армян-переселенцев можно допустить, главным образом, для Спери, Басиани и для южного Тао. Нужно думать, что в южное Тао эти переселенцы притекли в качестве

иммигрантов, искавших здесь надежного убежища в не-
померно тяжелые для армянского народа времена пер-
сидского и арабского владычества в V—VII вв. Ассимиля-
ции их с грузинами способствовало и то обстоятельство,
что пришельцев было меньше по числу, чем аборигенов
края. Предложить какое-либо иное разумное объяснение
этих неоспоримых фактов совершенно невозможно.

Сама армянская историография подтверждает этот
единственный вывод. Мы уже видели, что армянские
источники седьмого века северное Тао, в
частности — Кола, район истоков Куры,
рассматривают как грузинскую область.

Владетельный феодальный дом Тао, выдвинувшийся
в первые ряды армянской аристократии, Мамиконяны, по
своему происхождению принадлежал к грузинскому пле-
мени чанов, как это признает и специально обосновывает
крупнейший представитель новой армянской историогра-
фии проф. Адонц.¹

Рассмотрение вопроса о населении Тао-Кларджетии
удобно связать с вопросом о царствовавшей здесь дина-
стии Багратионов, или Багратидов.

О Багратидах Токарский пишет: «С давних пор в
Армении пользовался влиянием княжеский род Баграти-
дов (Багратуниев)... После неудачного восстания против
арабов в 755 году... Багратиды ушли в западные районы
Армении, расположенные в Чорохском бассейне» (стр.
135). «Одновременно с усилением ширакских Багратидов,
возложивших на себя во второй половине IX века цар-
скую корону, идет расширение владений артануджской
ветви этого рода в сторону Грузии, где они положили
начало династии, правившей до конца существования гру-
зинского царства в начале XIX в.» (стр. 135—136).

Багратидам нечего было уходить в «западные рай-
оны», «расположенные в Чорохском бассейне», потому что
их собственные феодальные владения были именно здесь.
Бесспорно, и это свидетельствуется также армянски-
ми источниками, что Багратиды происходили из древне-
грузинской провинции Спери. Известный армянский пи-

¹ Н. Адонц, «Армения в эпоху Юстиниана», С-Пб., 1908,
стр. 402—404.

сатель Моисей Хоренский передает нам взгляд, которые господствовали в армянском обществе его времени насчет происхождения Багратидов, именовавшихся в Армении Багратуниями. В 22-й главе первой книги своей «Истории Армении» Хоренский пишет: ...«Некоторые не заслуживающие доверия люди говорят — произвольно, не руководясь истиной — что венценалагающий род Багратуни происходит от Хайка. На это скажу: не верь таким глупым речам; ибо в этих словах нет ни следа, ни признака правды. Нелепо и нескладно болтают они о Хайке и о подобных ему. Но знай, что имя Смбат, которое Багратуни дают часто своим сыновьям, есть собственно Шамбат на их первоначальном, то-есть еврейском языке». О родоначальнике Багратидов Хоренский сообщает в той же главе: «Говорят, что Храчеай, выпросив у Навуходоносора одного из главных полоненных евреев, по имени Шамбат, привел его... Историк говорит, что от него происходит род Багратуни — и это верно». ¹ Из глав 37-й и 63-й второй книги того же труда видно, что родовой удел Багратидов находился в Спери, а их главная резиденция — в крепости Байберде, нын. гор. Байбурд. ² А что касается населения и его языка во владениях Багратидов, об этом Хоренский сообщает еще более интересные сведения. Согласно конструкции Хоренского, персидский (парфянский) царь Аршак назначает царем Армении Вагаршака, который «установил, сколько мог, общественный порядок в нашей земле, учредил нахарарства, назначив во главе их мужей полезных из потомков предка нашего, Хайка, и из других (родов)... Первее всего он вознаграждает могущественного и мудрого мужа из евреев—Шамбу Багарата, дав его роду право возлагать корону на Аршакидов и называться по его имени Багратуни... Этот Багарат... назначен наместником и начальником над десятками тысяч воинов на западных пределах Армении, где уже перестает раздаваться говор армянский».³

¹ „История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина“. Москва, 1893, стр. 36—37.—*Պատմագիրք Հայոց: Մովսէս Խորենացի, Տ., 1913, стр. 6²—69.*

² Там же, перев., стр. 89 и 108.

³ Там же, кн. II, гл. 3, стр. 53; арм. текст, цит. изд., стр. 104—105.

Таким образом, еще в VIII или IX веке, к каковому времени большинство исследователей относит появление «Истории» Хоренского, образованнейшие армяне считались, как с бесспорным, с фактом неармянского происхождения Багратионов и населения областей по среднему и верхнему течением р. Чороха.

То же самое, в основном, представление о происхождении Багратионов мы находим в византийских и древнегрузинских источниках. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «О народах», в главе 45-й, озаглавленной «Об иберах» (или, в ином произношении: «иверах», «ивирах»; так греки, как известно, называли грузин), рассказывает: «Должно знать, что ивиры, т. е. (ивиры) куропалата, хвалятся тем, что они происходят от жены Урии, на которой незаконно женился пророк и царь Давид... Они говорят, что из Иерусалима были тот Давид и брат его Спандиат, каковой Спандиат, как говорят они, получил от бога милость, что не мог быть поражен мечом на войне в какую-нибудь часть тела, кроме сердца, которое на войне он и защищал каким-то вооружением. Вследствие этого и боялись его персы. Он же победил их и покорил, и родичей (своих) ивиров поселил в трудно доступных местах, теперь ими занимаемых; оттуда они стали понемногу распространяться и увеличиваться и сделались великим народом... С тех пор как они переселились из Иерусалима в землю, теперь ими населяемую, прошло 400 или 500 лет до настоящего времени, т. е. до 10-го индикта 6460 года от сотворения мира» (т. е. 952 г. н. э. — С. Д.)...¹

Уроженец Тао-Кларджетии, современник Константина Багрянородного, выдающийся грузинский писатель Георгий Мерчули называет «куропалата царя Ашота», родоначальника тао-кларджетской линии Багратионов, «государем, нареченным сыном Давида, пророка и помазанника господня»².

Потомками пророка Давида считает Багратионов также древнегрузинский историк Дж у а н ш е р, а фамиль-

¹ Цит. изд., стр. 162-3.

² Георгий Мерчули, «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. в кав. Н. Марра, С.-Пб., 1911, стр. об (перевод Марра в этом месте, стр. 96, не совсем точен).

ный летописец Сумбат Багратиони, оставивший нам один из самых важных источников для истории своего рода, подробно развивает ту же самую генеалогию в начале тридцатых годов XI века.

Артануджскому, или тао-кларджетскому, владетельному дому основание положил, в начале IX века, упомянутый Ашот Багратиони, который сюда пришел из Тбилиси, где он занимал высокий пост, но рассорился с арабами. Через него, говорит Мерчули, «утвердилось над грузинами господство («мтаварство») его и сыновей его до скончания века»¹.

История этого дома и самого княжества также хорошо известна по грузинским, византийским, армянским и арабским сообщениям. Бежавши из Тбилиси, Ашот оседает первоначально в Кларджетии, избирает своей резиденцией древний грузинский город Артануджи, — в котором строительство вел еще в V веке известный грузинский царь Вахтанг Горгасал, — и поскольку эта область тогда политически входила в пределы Византии, Ашот провозглашает императора своим сеньором. Отсюда — византийские придворные звания в роду тао-кларджетских Багратионов, в том числе и высшее — «куропалат». Но постепенно потомки Ашота фактически освобождаются от этой вассальной зависимости и в X веке являются суверенными правителями, сохраняя вместе с тем прежние титулы, и прежде всего титул куропалата, который носит старший в роде.

В Тао-Кларджетии рано складывается своеобразный *удельный строй*, напоминающий строй Киевской Руси, но вместе с тем здесь иерархия многочисленных владетелей выражена очень отчетливо. Глава всего царства титулуется *грузинским куропалатом*, что засвидетельствовано всеми вышеназванными группами источников. К концу IX века здесь же появляется титул *грузинского царя*, а к концу следующего — *царя-царей*. Указанное политическое состояние правдиво отражено в записи Мерчули, сообщающей, что «Житие (Гр. Хандзтийского) написано спустя 90 лет после его преставления, в 6554 году от начала мира (в 950 г. н. э.), ...в господство над грузинами ку-

¹ Мерчул, стр. 80 и 92.

ропалата Ашота (ум. в 954 г.), сына Адарнерсея, царя грузин, ...во дни эристава эриставов Сумбата, сына царя Адарнерсея, в магистерство Адарнерсея, сына магистра Баграта, когда эриставом был Сумбат, сын мампала Давида»...¹

Потомство основателя княжества Ашота к исходу IX века и в X веке представлено двумя ветвями: *кларджетской*, или *артануджской*, начало которой положил старший сын Ашота Адарнасэ, и *таосской*, предком которой является средний сын Ашота куропалат Баграт I. Упомянутые в записи Мерчули первые три властителя являются представителями таосской ветви, последний, Сумбат,—артануджской.

Сильно расширив пределы своих владений еще в первой половине IX века, тао-кларджетские Багратионы постепенно включили в свое царство земли по верхнему течению Куры—Кола, Ардаган, Джавахети, Самцхэ—и по Чороху, где в частности было занято и Тао. Эти земли и поделили между собой Ашотовы потомки.

Поскольку Токарский специально заинтересован состоянием этого края именно в X веке, обратимся и мы к данному периоду. В начале X века во главе Тао-Кларджетского царства стоит Адарнасэ II (888—923), правнук Ашота I (куропалат Ашот I—куропалат Баграт I—куропалат Давид I—куропалат Адарнасэ II). Император Константин Порфирогенет много о нем рассказывает в своем сочинении «О народах», называя его «Адранасиром, куропалатом Грузии (Иверии)» (так 3 раза в гл. 43)² или очень часто просто куропалатом, отмечая этим саном одного только тао-кларджетского владетеля среди всех прочих владетелей Ближнего Востока.

С Адарнасэ II близко был знаком также армянский католикос и историк Иоанн Драсханакертский, одно время длительно гостивший при дворе Адарнасэ, будучи вынужден оставить свою родину вследствие очередного арабского нашествия. Для Иоанна Адарнасэ является «великим князем грузин», *მეფე გუგუნიანი* *ქრისტიანი*, (в ранний период), или «великим куропалатом грузин»;

¹ Мерчул, стр. 148-9.
² Цит. изд., стр. 155—157.

шимся представителем которой при нем был князь-князей («эриставт-эристави») Гурген. Иоанн его величает «великим князем грузин», *დიდი მესხეთის ჯგერუ*, или просто «князем грузин», а удельные владения Гургена по верхнему течению Куры и в других районах также относит к «стране грузин».¹

У куропалата Адарнасэ II было четверо сыновей (что известно и имп. Константину), поочередно принимавших бразды правления Тао-Кларджетией и соответствующие титулы. Так, сам имп. Константин Багрянородный саном куропалата, или, говоря его же словами, «отеческим званием куропалата», почтил второго сына, Ашота II.²

Для имп. Константина, который пишет о Южной Грузии в 952 году, тао-кларджетские Багратионы — грузины, или иверы, их подданные — также грузины, их страна — Грузия, или Иверия. Две главы его труда «О народах», посвященные Южной Грузии и ее владельческому дому, носят соответствующие заглавия: «О грузинах» (гл. 45) и «О родословной грузин и о крепости Арданучи» (гл. 46). У Константина засвидетельствовано и национальное самосознание тао-кларджетских Багратионов. Сообщая о домогательстве имп. Льва, имп. Романа и своем собственном получить у Багратионов их крепость Кеңцей, «чтобы там не добывал себе хлеба Феодосиополь (Эрзерум)», находившийся в это время в руках арабов, Константин рассказывает, как византийские власти «убеждали куропалата и его братьев, что по взятии Феодосиополя они отдадут им эту крепость, но грузины не хотели делать этого вследствие любви к феодосиополитам и чтобы не повредить городу Феодосиополю, но отвечали господину Роману и нашему величеству: «Если мы это сделаем, то будем в бесчестии у соседей наших, именно у магистра и владетеля Абазгии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут, что император не оказывает доверия грузинам (ивирам), — куропалату и братьям его»...³

¹ Там же, стр. 297—316.
² Цит. изд., стр. 172.
³ Там же, стр. 164-5.

Представителем этого дома и был знаменитый куропалат Давид III, правнук Адарнасе II и внучатый племянник его венценосных сыновей: царя Давида II (умер в 937 г.), куропалата Ашота II (ум. в 954 г.) и куропалата Сумбата (ум. в 958 г.). Дед Давида III, Баграт, третий сын Адарнасе II, носивший титул магистра, умер в 945 г., не дождавшись сана куропалата, которым в это время по старшинству обладал Ашот II. Удовлетворение получил сын его (т. е. магистра Баграта) Адарнасе III, верховный владыка Тао-Кларджетии и грузинский куропалат в 958—961 г.г. Приведенная нами выше запись Мерчули называет и Адарнасе: в момент составления этой записи (950-1 г.) Адарнасе был еще только магистром; один из его дядей, Ашот II, был куропалатом и главой Тао-Кларджетского государства, а другой, Сумбат, — эриставт-эриставом. Адарнасе III-му наследовал его прославленный сын Давид III (961—1001 г. г.).

Не соответствуют действительности утверждения Токарского, будто Давид III «никогда не носил царского титула» (стр. 200), будто он по собственному почину «отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III» (стр. 201), будто «правление Давида не было омрачено какими-либо серьезными военными потрясениями» (там же).

Вот главные факты царствования Давида III, в самом кратком, конечно, изложении.

У куропалата Адарнасе III было двое сыновей: старший—эриставт-эристав Баграт и младший—магистр Давид. Согласно издавна установившейся среди тао-кларджетских Багратионов традиции, уже в это время Давид III, наравне с братом, не говоря об отце, должен был величаться и царем. И действительно, в широко известной грузинской строительской надписи Ошкского храма мы читаем: ...«Начали богом венчаные цари наши строительство сего святого храма,... сии великие цари наши,... на средства богом благословенного Адарнасе куропалата, эриставт-эристав Баграт и магистр Давид, святая троица да будет покровом десницей своей им всем троим»...¹ Шатбердский деятель Иоанэ Берай, пере-

¹М. Brosset, „Inscriptions géorgiennes . . .“, S.-P., 1864, стр. 7.

писавший в 973 году «Пархальский четвероглав» (один из известных списков грузинского перевода евангелия) для грузинского монастыря в Пархали (южное Тао), в записи к этой рукописи сообщает новые данные, упоминая «царей наших, богом возвеличенного царя грузинского Баграта, магистра Давида, эриставт-эристава Сумбата и богом дарованных их сыновей», и в другом месте: ...«богом венчанного царя-царей (да возвеличит его бог!), богом поставленного магистра Давида».¹ Таким образом, в 973 году Давид III еще остается магистром, но уже выступает с титулом «царь-царей», что представляет собой первый случай в истории тао-кларджетских владетелей.

Это вполне соответствовало реальному положению вещей: Давид III, больше чем его отец и деды, предшествовавшие ему грузинские куропалаты, был верховным властителем всей Южной Грузии. Ему «добровольно покорились все государи», как говорит современный Давиду армянский историк Степанос Таронский.² В числе владетельных князей, признавших сюзеренитет царя-царей Давида III, были и не грузинские, например соседние армянские, владетели.

Затем Давид принимает и титул «куропалат». Это происходит повидимому в 978-9 гг. «Грузинским куропалатом» (*ყრპუ ღირუაძეობა*) называет Давида писатель XI века, такой же восторженный почитатель Давида, как и Степанос Таронский, армянский историк Аристакес Ластивертский, рассказывающий о Давиде в связи с известным восстанием Склира и вопросом о наследстве Давида.³ Также и византий-

¹ ო. უგარდებოდა, „ქრონოგრაფი...“ I, 95.

² *მთაბრძენის თქმულებანი*, II-მ., 1885, სტრ. 275.

³ *მთაბრძენის*, II, 1912, სტრ. 19, 3, 22.—Хотя Степанос Таронский Давида именуется обычно „куропалатом Тао“ или просто „великим куропалатом“, но он не оставляет никакого сомнения в том, что Давид—владелец именно грузинский. Так, рассказывая очень много о войнах Давида, Степанос обозначает его войска только как „войска грузинские“, и это—многократно. В одном случае, кн. III, гл. XL, Степанос рассказывает об инциденте, происшедшем у стев

ские историки: Кедрен именует Давида «архонтом Грузии»,¹ а Зонара вернее — «куропалатом», владения которого находятся «в Грузии».² В армянской историографии правильные сведения о Давиде III сохранялись на протяжении веков: так, у Матфея Эдесского (XII в.) Давид выступает как «куропалат, правитель Грузии».³

Рост влияния Давида III происходил очень быстрым темпом. В другой известной грузинской рукописи «Самотхэ», переписанной в Ошкы, одна запись от 977 года все еще называет Давида «царем нашим, магистром Давидом», а другая запись, которая моложе первой на несколько лет, уже величает его «могущественным и совершенно непобедимым куропалатом Давидом» или даже «куропалатом всего Востока».⁴

Новое, огромное усиление царя Давида явилось результатом его вмешательства во внутренние дела Византии, спасшего императорский трон от посягательств Варды Склира. По просьбе константинопольского двора Давид направил против мятежного полководца 12 тысяч отборных грузинских всадников, которые совместно с сохранившими верность Македонской династии войсками наголову разбили Склира у берегов Галиса весной 979 года. Благодарное византийское правительство уступило Давиду за оказанную помощь, как сообщает об этом Степанос Таронский, огромную территорию: Каринский (нын. Эрзерумский) округ, соседний с ним — Басианский (ныне Пасин), области Харк и Апаху-

---

Хлата (на берегу Ванского озера), когда осаждавшее этот город Грузинское войско куропалата Давида заняло под свои конюшни и стоянки армянские церкви и архиерейский дворец. „Татчики с городских стен кричали: „Так вы, христиане, обращаетесь с святыней христианской?“ Грузины отвечали: „Мы одинаково относимся к армянской церкви и к вашей мечети!“ Степанос считает, что вследствие этого грузин постиг гнев божий: они потерпели поражение от мусульман. (Цит. изд., стр. 268).

¹ Migne, II, col. 164

² Epit. hist., I, lib. XVII, cap. VII.

³ Brosset, „Additions et éclaircissements...“, стр. 176.

⁴ „ქრონიკონი“, I, 107-8.

ник (к северо-западу от Ванского озера) и другие. Южная граница владений Давида была передвинута к гор. Эрзинджану. Кроме того, грузинские войска взяли огромную добычу, которая частью пошла на покрытие расходов по строительству знаменитого средневекового центра грузинской образованности и просвещения на Афоне (Халкидонский полуостров). Об этой победе имеется много сообщений в грузинских источниках. В частности, грузинская надпись Зарэмского храма (в Самцхэ) повествует: «Когда в Греции восстал Скларос, куропалат Давид (да возвеличит его бог!) помог святым царям и нас всех послал в поход, Склароса мы в бегство обратили»...²

Но впоследствии одна большая неудача постигла Давида: он оказался замешанным в новом восстании (Фоки) против императора Василия. Поскольку восставшие потерпели поражение, Давид оказался вынужденным обещать императору свои владения после своей смерти. Так рассказывает об этих фактах арабский историк Ях'я Антиохийский.³ Есть основание думать, что в этом вынужденном «завещании» Давида речь шла именно о полученных перед тем от Византии областях. Фактически эти земли были заняты византийскими войсками лишь после смерти Давида.

Будучи пламенным грузинским патриотом, Давид активно занимался и общегрузинскими делами, несмотря на обременявшие его обширные интересы и обязанности на Ближнем Востоке. Давид III явился главным инициа-

¹ Цит. изд., стр. 192-3: ... „Василий, царь греческий, вызвал к себе полководца Торника, родом грузина, монаха с Святой горы (Афон), и послал его к куропалату Тао Давиду. И обещал дать Халдой-арич вместе с Класурой, Чормайри и Кариг, Басиан и крепостю Севук, что в Мардалии, Харк и Апахуник,—что и отдал на самом деле,—если Давид пришлет ему на помощь войско. Куропалат Давид, собрав грузинские войска во главе с князем князей Джоджиком, послал их вслед за Торником сразиться с тираном Вардой. Начиная от пределов Тао, они стали опустошать страну греческую, подвластную тирану... (Император Василий дал Фоке) всю западную армию греческую и вместе с грузинским войском направил оба лагеря против тирана Варды“...

См. также „The Cambridge Medieval History“, IV, 86 и Г. Гельцер, „Очерк политической истории Византии“, 100.

² Е. Такайшвили, „Археологические экскурсии“, I, 18.
³ В. Розен, „Император Василий Болгаробойца“, 27.

тором и организатором объединения всех грузинских областей. На престол объединенного Грузинского царства он посадил своего воспитанника (Давид был бездетен) и близкого родственника Баграта III Багратиона, об'явив всенародно, по словам грузинского историка: «Сей есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и помощник. Ему подчиняйтесь все». Это дело Давида отвечало об'ективно сложившимся в Грузии условиям и увенчалось полным успехом.

Иначе (и, конечно, противоречиво, как всегда) освещает события Токарский: «Начало объединения грузинского государства (Карталиния и Абхазия) было положено,—пишет он,—при самом деятельном участии Давида, завещавшего даже первоначально свои владения Баграту III; правда, это завещание перед смертью было изменено в пользу императора Василия. Такое независимое положение тайкского феодала определялось особыми причинами, препятствовавшими ему объединиться с соседними Грузией или Арменией. Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства (отсюда вышел в VII в. знаменитый католикос Нерсес Строитель). Это, конечно, не могло содействовать их вхождению в возрожденное армянское царство. Они чувствовали себя гораздо ближе к единой Грузии и, живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошенном арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться. Объединение с Грузией грозило усилением и ускорением этого процесса. Потому-то, возможно, Давид и отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III» (стр. 200—201). Читатель опять в недоумении: с одной стороны, Давид принимает «самое деятельное участие» в объединении Грузии, с другой стороны—наносит этому объединению решительный удар, завещая свои владения византийскому императору по тому единственному соображению, что от воссоединения с Грузией его государство может окончательно огрузиниться. Читатель спрашивает, как же такой «умный, энергичный», «знаменитый», «выдающийся тайкский правитель» (определения Токарского), как Давид Куропалат, не мог догадаться об этой гро-

жившей его народу смертельной опасности двумя десятилетиями раньше? Но здесь мы имеем тот редкий случай, когда Токарский приводит факты в обоснование своего положения. Вот, что он сообщает в подтверждение своего тезиса: «Особое положение тайкского куропалата нашло даже отражение в его монетах, один из редких экземпляров которых имеется в Ленинграде в Государственном Эрмитаже. В то время как монеты Баграта III подражают имевшим хождение в Грузии дирхемам, воспроизводя даже арабские легенды, на монетах Давида лицевая сторона имеет надпись «Христе, помилуй Давида», а оборотная—изображение креста с буквами между его ветвями, которые читаются как слово «куропалат» (стр. 201). Вот и все. Но мы позволим себе прибавить к этим фактам еще один, замолчанный Токарским: надписи на монетах (и не только на монетах) Давида Куропалата сделаны по-грузински. Итак, по Токарскому, монеты Давида Куропалата, монеты оригинального образца с христианской эмблемой и с грузинскими надписями, свидетельствуют об антигрузинских настроениях Давида, а монеты его преемника Баграта III, первого царя объединенной Грузии, подражающие арабским монетам и имеющие арабскую надпись, свидетельствуют об обратном! Если это рассуждение Токарского не отличается фундаментальностью, зато оно безусловно самобытно.

Культура. Все это насилие над общеизвестными фактами, их изображение в чудовищно искаженном виде нужно Токарскому для побочных, не имеющих ничего общего с наукой, целей. До сих пор считалось, что архитектура Тао-Кларджети есть органическая часть грузинской архитектуры. Токарский пытается опрокинуть это прочно установившееся в науке представление. Хотя здесь храбрость оставляет его, так что он почти все время говорит недостойным для советского научного работника образом — намеками и иносказательно, однако он читателю назойливо внушает вполне определенную мысль.

Выступая мнимым поборником положения о самостоятельности тао-кларджетской архитектуры (...«под покровительством знаменитого тайкского куропалата в его владениях в X в. создалась самостоятельная архи-

тектурная школа, давшая видных зодчих»—стр. 202, или «нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих стран» — стр. 202—203), Токарский, постепенно набираясь некоторых элементов мужества, подрубает корни им же избретенной самостоятельности тао-кларджетской архитектуры, оставляя довершить свое дело будущим служителям лже-науки, которые, переписывая Токарского, должны будут прибавить кое-что и от себя лично.

На стр. 203 Токарский пишет: «Здесь в Ишхане в VII в. в армянской среде зародилась и впервые была осуществлена идея Звартноца, одного из лучших творений армянских зодчих». Затем насчет самого Ишханского храма он говорит: «Собор в Ишхане, построенный в VII в. армянским католикосом Нерсесом Строителем до призвания его на армянский патриарший престол, первый раз был возобновлен в IX в. учеником чтимого грузинского подвижника Григория Хандэтийского — Савой (Сабаном). Усматривать в мероприятиях Савы коренную перестройку, в результате которой круглый храм был обращен в сохранившийся до наших дней крестообразный — нет основания... При Саве строительные работы в Ишхане имели целью лишь приведение собора в состояние, позволявшее совершать в нем богослужение. К середине X в. Нерсесова постройка была уже разрушена настолько, что ее не было смысла восстанавливать, и при Давиде на ее месте был построен новый собор,... в алтарь которого вошла уцелевшая колоннада древней абсиды»... (стр. 205—206), и что задача этой новой постройки заключалась якобы в том, чтобы «построить новый храм на основе ошкского типа, сохранив в то же время древнюю абсиду»... (стр. 207). О знаменитом храме Бана, построенном, по признанию Токарского, грузинским царем Адарнасэ II (Г. Н. Чубинашвили относит этот памятник к VII в.), еще раньше было сказано, что он в основном повторяет схему Звартноца (стр. 106) путем подражания архитектуре той же самой древней Ишханской церкви (стр. 98), из чего и следует общее положение: ...«имеются все основания считать, что уже в Ишхане были

заложены основы новой дерзновенной композиции, повторенной на один-два десятка лет позднее в Звартноце, честь создания которой неоспоримо принадлежит армянским зодчим, работавшим у Нерсеса» (стр. 98—99), т. е., говоря более определенно, это армянские зодчие, работавшие у Нерсеса, уроженца Тао, создали здесь, в Ишхане, в начале VII в. новую дерзновенную архитектурную композицию. В связи с фактом чистой тески внутренних стен знаменитого храма в Хахули, у Токарского возникает новый вопрос: «не была ли хахульская церковь построена первоначально (когда же? Построен-то Хахули, по заявлению самого Токарского, ведь в конце X века. — С. Д.) для армян антихалкидонитов, не признававших икон, а следовательно и росписи, подобно тому, как в Армении строились халкидонитские церкви» (?!—С. Д.) (стр. 212). Таким образом, в Тао помимо армян-халкидонитов обнаруживаются еще армяне-антихалкидониты, т. е. такие же армяне, какие жили в самой Армении. Токарский здесь умалчивает о том, что храмы с чистой теской внутренних стен имеются и во многих других районах Грузии.

Увенчивается все это следующими утверждениями: «...основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготевших к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали; мастера их, вероятно, работали дружно, рука об руку. В убранстве стен и куполов главную роль играют полуколонки и пилястры с арками, ведущие свою историю еще от построек Нерсеса. Одинаковы и приемы украшения окон... Одновременно появляется своеобразная отделка парусов... Тайкская архитектурная школа второй половины X в. создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединенному грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со всеми сородичами» (стр. 213).

Здесь читателю следует обратить внимание на то, что «багратидское царство» у Токарского обозначает

собственно Армению, затем — связать в единую логическую цепь выписанные нами, в предыдущих двух абзацах, высказывания Токарского, и для него станет совершенно очевидным этот беспрецедентный в истории советской, высокопринципиальной науки случай искажения исторической правды — попытка большой комплекс памятников одной национальной культуры выдать за памятники другой национальной культуры.

Нельзя также пройти мимо этих забавных превращений домыслов и доводов Токарского. Раньше (двенадцатью страницами выше) утверждалось, что тао-кларджетское население с Грузией связывала только вера — общая приверженность к восточному православию; что эта общность вероисповедания грозила тао-кларджетским армянам усилением и ускорением процесса денационализации; что в противовес этой угрозе Давид Куропалат якобы отказался от первоначального намерения передать свои владения Баграту III, им же самим провозглашенному царем объединенной Грузии; что различие в вере мешало тао-кларджетским армянам жить вместе в одном государстве с остальными армянами. Теперь же выясняется, что «владения Давида» все-таки «тяготели к Грузии» и, мало того, тяготели они «к сформировавшемуся объединенному грузинскому государству» не по какой-либо иной причине, а именно «в силу происходившего огузинивания коренного населения»; что «основная масса» Тао-Кларджетии, масса армянская, которую различие в вере заставило «окончательно выделиться в самостоятельный государственный организм», все-таки, «несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами», и была связана настолько крепко, что, к примеру, тао-кларджетские и собственно армянские строители храмов, предмета, имеющего наиболее близкое отношение именно к вопросам вероисповедания, работали дружно, рука об руку, тогда как с мастерами единой Грузии, к которой, к тому же, и тяготела их родина в силу происходившего огузинивания, они не имели никаких точек соприкосновения; что, наконец, тао-кларджетские армяне

могли, собственно, и не выделяться в самостоятельный государственный организм, ибо их различие-то в вереследует понимать здесь весьма ограниченно, поскольку в составе населения Тао-Кларджетии Токарский вскрыл мощные пласты армян уже чистых в вероисповедном отношении, никак не отличавшихся от населения центральных районов Армении — армян-антихалкидонитов, для которых, оказывается, и строились крупнейшие и лучшие церкви Тао-Кларджетии. Однако основная идея автора выражена здесь уже полностью. Вот для чего нужны были эти бесконечные разглагольствования о территориальной и этнической принадлежности Тао-Кларджетии. Для этого же и нужно было один из шести разделов книги об «Архитектуре древней Армении» посвящать специально «Тайкской архитектурной школе X века»!

Как же после всего этого должна звучать для читателя следующая фраза Токарского, заканчивающая главу «Тайкская архитектурная школа X века», последние абзацы которой мы цитировали выше: «Для того чтобы *правильно понять* пути развития архитектурных форм в Закавказье X и XI вв., *нужно любовно, без предвзятой установки проследить все те драгоценные нити, из которых сплелся в Чорохском бассейне «неразвязываемый узел общих кавказских интересов» (Марр)*» (стр. 214). Можно ли представить себе более неправильное, более злостное, более предвзятое и одностороннее развязывание этого пресловутого «неразвязываемого узла»?

Из уважения к читателям не-специалистам, лишенным возможности читать специальные трактаты, проследим некоторые из поистине драгоценных фактов по истории архитектуры, и культуры в целом, Тао-Кларджетского края. Исследователи памятников архитектуры всех стран и народов одну из самых значительных частей своего материала видят в надписях древних построек. Эти надписи относятся к документальным источникам истории. В них очень часто сообщается о времени возведения зданий, о личности, общественно-политическом положении и намерении строителей, даются указания о культурном круге, к которому принадлежит данный па-

мятник, и т. д. Токарский глухо упоминает о надписях тао-кларджетских памятников, их не использует вовсе, и только об Ошкской надписи говорит мимоходом, неточно передавая ее содержание.¹

Несмотря на трагическую историю края, вот уже на протяжении более четырех столетий терзаемого турками, тао-кларджетские памятники донесли до наших дней не мало древних надписей. Собираание их началось еще в первой половине прошлого века, когда известный армянский географ Алишан описал большую церковь с грузинской надписью в Чангли (Чилдирский район). Затем, одним из пионеров этого дела явился ученый армянский монах, член братства мхитаристов в Венеции, Нерсес Саргисян. Отнесшись к своей задаче, не в пример Токарскому, поистине любовно и убедившись, что все собранные им в течение десяти лет (1843—1853 гг.) надписи выполнены на грузинском языке, которым он не владел в достаточной степени, Саргисян направил, при помощи того же Алишана, свой материал в Петербург, известному грузиноведу того времени академику Броссе, опубликовав собственными силами копии надписей в журнале «Визма веп» (1863-4 гг.). Помимо издания Броссе, мы располагаем сейчас и другими публикациями тао-кларджетского эпиграфического материала — публикациями акад. Н. Марра,² проф. Е. Такайшвили³ и других.

Не говоря уже о грузинских надписях знаменитого храма в Бана, этого, по словам известного немецкого ученого Коха, лучшего после Айа-Софии на всем Ближнем Востоке сооружения и признанной даже Токарским постройки грузинского царя (достойно внимания, что на внутренних стенах Бана были обнаружены, после обвала штукатурки, дополнительные лапидарные гру-

¹ Молчание Токарского о тао-кларджетской эпиграфике нужно признать умышленным, поскольку, по его собственному сообщению, он сам бывал в этом крае и даже подробно обследовал Ишханский собор в 1915 г. (стр. 206), следовательно, имел случай лично убедиться в том, что собой представляют надписи на тао-кларджетских памятниках.

² В цит. изд. „Жития Гр. Хандзгийского“

³ В многочисленных публикациях этого ученого, лично обследовавшего тао-кларджетские памятники в течение организованных им трех экспедиций (1903, 1907 и 1917 гг.)

инские надписи и что даже отдельные камни здесь имеют знаки мастеров в виде грузинских букв), на всех остальных называемых им памятниках мы имеем исключительно грузинские надписи. Они повествуют, что эти величественные здания возведены грузинскими строителями для грузинской паствы. Эти же надписи дают очень важные, часто — прямые хронологические указания насчет времени строительства.

Так, прекрасная Ошкская надпись сообщает, что этот храм построен в царствование и на средства Куропалата Адарнаэ и по почину и заботами эриставт-эристава Баграта и магистра Давида. Академик Броссе считает, что это Адарнаэ II и его сыновья, — тогда постройка датируется 888—923 гг. По мнению же академика Джавахишвили, надпись имеет в виду Адарнаэ III и его детей, и тогда время возведения Ошки относится к 958—961 гг. Нужно указать, что надпись называет и зодчего Григола, рельефное изображение которого, по сообщению проф. Такайшвили, также сохранилось.¹

Хахули есть постройка Давида Куропалата, имя которого, повидимому, и упоминается в плохо сохранившихся грузинских надписях этого памятника.²

Ишханские надписи свидетельствуют, что в постройке и перестройке этого большого архитектурного ансамбля принимали участие: в 1006 году царь-царей Гурген, троюродный брат и преемник, в качестве владетеля Тао, Давида Куропалата; архиепископ ишханский Антоний, инициатор полной реставрации главного храма в 1032 г., в царствование Баграта IV — царя объединенной Грузии и правнука вышеназванного Гургена; мастер Иванэ Морчайсдзе и другие. Если Токарский находит между Ишханским и Кутаис-

¹ Таким образом, лишено основания утверждение Токарского, будто Ошкская надпись содержит „прямое“ указание на то, что этот храм построен Давидом (стр. 201-2). Давид III здесь упомянут на третьем месте среди строителей Ошки.

² В противоес опять-таки необоснованному заявлению Токарского, будто „сведения древних авторов и надписи на памятниках, за исключением ошкской, не дают прямого ответа на вопрос, что же именно было построено“ Давидом (стр. 201-2), мы должны подчеркнуть, что „Матианэ Карлисай“ (XI в.) постройку Хахули категорически приписывает Давиду.

ским храмами общие черты, в этом нет ничего выходящего из ряда вон: помимо того, что это—памятники одной и той же культуры, сооружены они в одно и то же время (пол. Кутаисского собора настлан в 1003 году) представителями одного и того же дома.

Многочисленные грузинские надписи Тбетской церкви упоминают, между прочим, зодчего Шахбуза Татухадзе.

Не менее богата надписями Порта (Шатберд). В этих надписях упоминается зодчий Абесалма Кладели с товарищами.

В Опизе упоминается Ашот Куропалат, второй ее строитель, рельефное изображение которого также сохранилось.¹ Заявление Токарского, будто Опиза и Порта возведены «вероятно уже после смерти Давида» (1001 г.), — выдумка, необходимая для того, чтобы подвести такое своеобразное основание под утверждение о заимствовании «вонтичной» кровли из армянских церквей, построенных в следующем столетии, в Мармашене и Хцконке. Огромное количество других построек края также покрыто грузинскими, и только грузинскими, надписями.

Но можно ли, позволительно спросить, решая такой значительный вопрос, как вопрос о национальной принадлежности целой архитектурной школы, не считаться с другими сторонами духовной жизни народа, со всеми остальными памятниками его творческого наследия? Между тем, хорошо известно, что Тао-Кларджетия IX—X веков вообще являлась средоточием и главным рассадником грузинского просвещения, литературы и искусств. Среди крупнейших культурных центров Тао-Кларджетии назовем: Опизу, — здесь подвизались известные деятели Микель Парехели, Георгий Мацкверели и др., здесь же в 913 году был выполнен один из значительных списков грузинского перевода четвероглава; Шатберди, — здесь около 973 года переписан один из драгоценнейших древнегрузинских манускриптных сборников, т. н. «Шатбердский сборник», здесь же сделаны списки гру-

¹ Таким образом, неверно утверждение Токарского, будто «сопоставление косвенных данных с несомненностью устанавливает, что наиболее выдающиеся постройки (Тао-Кларджетия.—С. Д.) были возведены в правление Давида и, следовательно, по его заказу» (стр. 202).

зинского перевода четвероглава: т. н. Адишский 897 г., т. н. Джручский 936 г., т. н. Пархальский, Иоанэ Берая, 973 г., и др.; в Ошки, в 978 году, переписан другой бесценный памятник древнегрузинской литературы, полный текст грузинского перевода библии (т. н. «Ошкский кодекс»), ряд значительных рукописей, датированных 977 годом, и др.; в Тбети протекала деятельность известного грузинского писателя первой четверти X века Степанэ Мтбевари, а также многих других; из хахульских деятелей известен Иоанэ Хахули, по прозвищу «Златоуст»; в Пархали переписан «Многоглав» и др.; в Ишхани работали Илларион Ишхнели и др., здесь кипела литературная работа, так же, впрочем, как и в Хандзте, Цкаростави и др. Недаром этот край именовался в те времена «Грузинским Синаем»; здесь жили и работали выдающиеся представители грузинской феодальной общественности и культуры — Григорий Хандзтийский (Григол Хандзтели, конец VIII в. — первая половина IX в.), Серапион и Басиль Зарзмели, Георгий Мерчули, Арсений Сапарели, Дачи, Григол Ошкели, известные гимнографы Иоанэ Мтбевари, Микель Модрекили (из Ошки), Иоанэ Конкозисдзе и другие, отсюда были родом знаменитые деятели Афонской грузинской лавры — победитель Варды Склира Торникэ, Иоанэ и сын последнего, один из самых выдающихся представителей древней Грузии — Евфимий Ибер, или Афонский. Здесь созданы такие блестящие памятники древнегрузинской церковной письменности, как жития Серапиона Зарзмели, Григола Хандзтели, Гоброна-Микеля и других. Давид III Куропалат был одним из самых просвещенных и щедрых покровителей всей этой культурной деятельности. Мы знаем сейчас имя и одного замечательного грузина-златокузнеца Асата, работавшего при Давиде же; отсюда происходит известный Цагерский крест с грузинскими надписями, заказанный для Ишхани Илларионом Ишхнели, и т. д. и т. п. Нет никаких данных, которые могли бы позволить противопоставить этой блестящей плеяде деятелей грузинской культуры Тао-Кларджетии IX—X вв. хотя бы одно имя местного представителя какого-нибудь иного национально-культурного круга!

Можно ли было ожидать объективности Токарского в вопросе о существовавших в Закавказье отношениях хотя бы для последующей эпохи, когда, по словам Токарского, «Армения вступила в новую стадию развития под почти номинальным покровительством Грузии, осуществлявшимся представителями молодого армянского княжеского рода, братьями Иване и Захарией Долгорукими, занимавшими высшие государственные должности в грузинском царстве» (стр. 219)? Для характеристики этой «объективности» достаточно вникнуть в одну лишь процитированную фразу, долженствующую выразить не только политические отношения того времени. Итак, зависимость Армении от Грузии исчерпывается «почти номинальным покровительством», и это покровительство «осуществляется» «молодым армянским княжеским родом» Долгоруких. Очевидно также, что, по мысли Токарского, эти армянские князья, т. е. правители Армении,¹ «занимая высшие государственные должности в грузинском царстве», т. е. имея большое фактическое влияние во внутренних делах самого Грузинского государства, сделали неизвестно откуда появившееся покровительство Грузии над Арменией «почти номинальным». Что мы не утрируем, это можно видеть из другого издания того же Института истории Академии наук Армянской ССР, из «Истории армянского народа» (Ереван, 1944 г.), в которой читаем: «Один из сыновей Саргиса Захаряна (соответствует Долгорукому у Токарского.—С. Д.), Захарэ, занимал при Тамаре должность амир-спасалара, т. е. главнокомандующего войсками Грузии и Армении, а второй сын, Иванэ,—должность атабека, или государственного опекуна» (стр. 174; подчеркнуто нами.—С. Д.). Таким образом, само Грузинское государство оказывается под опекой и покровительством князей Долгоруких.

¹ На стр. 294 Токарский пишет: ... «Обстановка, создавшаяся к моменту прихода к власти Долгоруких, совсем не побуждала армянских зодчих к простому копированию заграничных образцов... В условиях становления новой национальной знати» и т. д. А на стр. 303 сказано: «Время правления Захариа и Иване Долгоруких отмечено возведением в Ани ряда превосходных светских зданий».

Прежде всего о «Долгоруких».¹ Братья Закария и Иванэ (последний был младший) были представителями грузинского дворянского дома, носившего из поколения в поколение родовое имя Мхаргрдзели. Это чисто грузинское имя в переводе на русский язык действительно значит «долгорукий», но его не следует переводить точно так же, как нельзя переводить, скажем, русские фамильные имена Долгоруков и Толстой. Имя Мхаргрдзели мы видим в ряде армянских надписей, например в Аручской надписи 1285 года, Ахпатской надписи 1300 года и других. В армянской надписи Одзуна мы читаем: «Божьей волею я, Сумбат, сын Погоса Чоренца, раб (здесь, конечно, в смысле «вассал». — С. Д.) великого Иванэ Мхаргрдзели» (...*Եւ Սմբատ, ծննալ ընծին Բժշնէի Մխարգրճելի...*)² и пр. Таким образом, Долгорукий — вымышленная форма, а Захарян — просто курьез.

Владения Закария и Иванэ Мхаргрдзели и их потомков в Армении — это были обычные феодальные держания, полученные ими от грузинских царей, отвоевавших армянские земли от иноземных захватчиков, главным образом — турок. Собственные вотчинные владения Мхаргрдзели находились в Грузии. Национальное самосознание Мхаргрдзели также неоспоримо засвидетельствовано первоисточниками, которые и здесь по пятам преследуют нашего незадачливого автора. Оставляя в стороне грузинские сообщения, обратим внимание на показание совершенно объективного свидетеля — посла французского короля Людовика IX, Рубрука. На обратном пути от монгольского хана, в 1255 году, Рубрук заезжал к Шаншэ Мхаргрдзели, сыну Закария, в одно из его поместий в центральном армянском районе. Описывая это посещение и передавая содержание своих бесед с Шаншэ, Рубрук характеризует Шаншэ, как «одного из могущественнейших некогда грузин, ныне данника татар. Отец его, по имени Захария, приобрел эту землю армян, избавив их от рук сарацинов».

Чтобы разобраться в характере политических отношений, обратимся опять-таки к документальному материа-

¹ Только так они называются в книге Токарского.

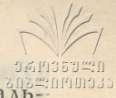
² Կ. Վանտանյանց, Կիւսական տարեգիր, стр. 250.

лу, на сей раз уже из центральных районов Армении. Известно, что к концу тридцатых годов XIII века монголы успели установить свое верховенство над всей восточной частью Грузинского царства, в том числе, конечно, и над собственно армянскими областями. Казалось бы, в новых условиях у местных армянских владетельных князей, если только они были налицо, могла появиться склонность установить непосредственную зависимость от монгольского хана, что со стороны последнего должно было встретить только сочувствие и поддержку. Однако, в действительности мы наблюдаем совершенно обратную тенденцию: Армения продолжает тянуть к Грузии, и старые связи держатся веками. Каковы же были эти связи?

Уже в начале XI века Армения, в силу объективно сложившихся целого ряда исторических обстоятельств, находилась в исключительно тяжелом положении. Перед лицом грозных опасностей—все возраставшей византийской агрессии, с одной стороны, и надвигавшегося турецко-сельджукского нашествия, с другой стороны,—многочисленные мелкие армянские царства и княжества не только не сумели объединиться, но еще продолжали дробиться; так, в начале двадцатых годов произошло новое деление Ширакского царства (со столицей в Ани)—этого средоточия общеармянской общественно - политической и культурной жизни. За следующие два десятилетия большинство армянских государственных образований, в том числе и Анийское царство армянских Багратидов-Багратуни, навсегда прекратило свое существование. Подавляющее большинство армянских районов перешло в руки Византийской империи.

Эта политическая катастрофа сопровождалась массовым выселением армян из родной страны. В эмиграцию имели возможность уйти и фактически уходили, конечно, главным образом представители верхних слоев армянского народа. Таким образом, это феодальное общество искусственно лишалось своей естественно сложившейся верхушки и, что важно особо отметить, на том этапе развития, когда еще не успел возникнуть исторический преемник феодального класса. Хлынувшие в Армению, в тех же сороковых годах, турецкие орды довершили дело политического и хозяйственного разгрома Армении.

Между тем рядом существовало, близкое по социальной и духовной культуре, объединенное Грузинское царство, пережившее, правда, ряд сильных потрясений в XI веке и сильно ущемленное в своих национальных границах, но достаточно могущественное для того, чтобы дать решительный отпор, еще при Баграте IV (1027—1072), первым ураганным налетам турецких отрядов, руководимых самим султаном Алп-Арсланом.

Завязавшаяся в середине XI века упорная борьба закавказских народов против турецкого порабощения и за свободу мирного развития была возглавлена Грузией. Особенно близкими в этом длительном процессе были отношения между Грузией и Арменией. Еще Баграт IV занимал, на короткое время, армянскую столицу Ани, куда он был приглашен самими городскими старейшинами, но закреплен был город за Грузией при знаменитом внуке Баграта IV Давиде Строителе (1089—1125). В результате кровопролитных войн, продолжавшихся почти целое столетие после этого, грузинские войска, при деятельном содействии и полном сочувствии армянского населения, изгоняют турок почти из всех областей обширной армянской земли и включают ее в состав Грузинского государства. Отныне грузинский царь становится также и царем армян, что находит законное выражение и в его титулатуре. При Мхаргрдзели в этом отношении не произошло по существу ничего нового. Дом Мхаргрдзели явился в Армению в качестве одного из феодальных держателей, получивших землю в условное владение от грузинского царя. Наряду с Мхаргрдзели в Армении были и другие феодалы - землевладельцы. Многочисленные армянские надписи на памятниках армянской архитектуры, рассматриваемых Токарским, свидетельствуют именно о вышеописанных отношениях и ни о чем другом.

Вот политические формулы, которыми снабжены армянские лапидарные надписи из следующих пунктов:

1. Ахпат (Алавердский район), 1121 г.: «Во время царя самодержца Давида благочестивого и победоносца (Давид Строитель, 1089—1125), сына Георгия, сына Баграта, властвующего над этой областью и этим народом»...
2. Кечарук (Ахтинский район), 1181-3 гг.: «В царствование над грузинами Георгия, нашего также властителя»...

(Георгий III, 1156—1184). 3. *Арич* (Арктикский район), 1201 г.: «Я, Закарэ, мандатурт-хуцес амир-спасалар армян и грузин (сделал подношения Аричу) во долгоденствие государыни моей, благочестивой царицы Тамар» (1184—1213). 4. *Ованнаванк* (Аштаракский район), 1201 г.: «В господство парон¹ ддопал² Тамар»... 5. *Ахпат*, 1210 г.: «Во дни богом помазанной дочери царя царей Георгия, великой царицы (буквально: царя; Тамара носила титул царя, а не царицы) Тамар (сделал подношение Ахпату) я, мандаторта-хуцес, амир-спасалар Шахшах—Закария, сын Саргиса... во долгоденствие царя и во здравие и поминовение» (жертвователя и его домоладцев). 6. *Мармет*, 1206 г.: «В царствование Лаша (Лаша Георгий, сын, соправитель и преемник Тамары), в амир-спасаларство Закария»... 7. *Оромайр* (Алавердский район), 1216 г.: «В царствование Лаша, в амирспасаларство Закария». 8. *Дсех* (Алавердский район), 1221 г.: «В царствование Георгия, сына Тамары, в начальство атабеге Иванэ»... 9. *Нораванк* (Микоянский район), 1223 г.: «В царствование сына Тамары, Лаша, в амирспасаларство над армянами и грузинами Шаханшаха и в атабекство дяди его Иванэ, пришел я... князь князей Бупак» (в Нораванк и сделал подношение). 10. *Город Карс*, 1234 г.: «В царствование Русудан (дочь Тамары, преемница Лаша Георгия, 1222—1245), в атабекство Иванэ». 11. *Карс*, 1234 г. ...«милостью царя нашего Русудан мы, карские христиане, великие и малые, выстроили эти башни на память нам и патрону нашему». 12. *Карс*, 1236 г.: ...«царя царей самодержца Русудан»... 13. *Оромос*, 1246 г.: «В царствование над армянами и грузинами Давида (Давид VI, Нарин, сын, соправитель и преемник царицы Русудан, 1230—1293) и в спасаларство Шахшаха, сына великого Закария»... 14. *Хоракерт*, 1252 г.: «В царствование Давида» (Давид VII, Улу, сын Лаша Георгия, соправитель Давида Нарина с 1247 г.). 15. *Гетик—Гошаванк* (Дилижанский район), 1283 г.: «Я, Чар, сын патрона Умека, внук Чара, родом из Манацкерта (сделал подношение Гетику), во владычество Гарану (Аргун, ильхан, монгольский властитель Ирана) и в царствование над грузинами

¹ Т. е. патрон.

² Грузинское слово „дедопали“, со значением „царяца“.

Деметрэ Багратида» (сын Улу Давида, 1271—1289) 16. Аруч (Аштаракский район), 1285 г.: «В падишахство Аргун-хана (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование Деметрэ, в паронство спасалара Мхаргрдзели, брата Иванэ, сына великого Шахншаха, я, Макли, сын ага-Хусана, прибыл в благоприобретенное моим отцом село Аруч» (*Եւ Մակլի խնաման աղաքի արդի եկի յԱրուճիմ հարսի գանձադին գեղս եւ թողիղհացին շարիտան հասիլս*). 17. Мардз, 1285 г.: «Воздвигнут сей крест в дни притеснений и горечи от татар, в царствование Деметрэ, сына Давида, в патриаршество господина Оганеса» (священником Фомой и его братом Тирацу). 18. Аван (Котайкский район), 1285 г.: «Во владычество царя царей Аргута (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование над грузинами и армянами Деметрэ»... 19. Сурб-Кираки, 1286 г.: «(Во владычество) Аргуна, в царствование Деметрэ»...¹

Мы, конечно, даем здесь выдержки только из некоторых армянских надписей, но и их показаний вполне достаточно для уяснения существа дела. Остановимся подробнее на сведениях, заключающихся в Аручской надписи, датированной столь поздним монгольским периодом (1285 г.). Выясняется, что в это время Аруч принадлежит местному мелкому землевладельцу, некоему Макли, сыну аги Хусана. Турецкий эпитет «ага» (господин) служит здесь вполне определенным признаком и основательно внушает нам мысль о том, что Хусан и Макли были не только частными земельными собственниками, но и феодальными господами, сеньорами, или, употребляя столь распространенный тогда в Армении латинский термин в арменизированной форме, «паронами» аручского населения. С другой стороны, непосредственным пароном, или «патроном», самого Макли надпись называет Мхаргрдзели, затрагивая тем самым, опять-таки, общественные отношения прежде всего. Но надпись отмечает еще одну особенность бытия сеньора Мхаргрдзели: он не только феодал, но и должностное лицо, «спасалар», конечно—Грузинского царства, мы это знаем из других источников. **Здесь мы вступаем уже в политическую сферу, и, разви-**

¹ См. назв. изд. Костанянца, а также Н. Эмин «Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего». М. 1881.

вая свои сообщения об этой области армянской действительности, аручский памятник правдиво свидетельствует, что царем армянским является царь грузинский, что несмотря на все пережитые страной столь значительные перипетии и сложившуюся к этому времени совершенно новую историческую обстановку, Армения продолжает оставаться частью Грузинского государства. Далее, это новое в политических условиях существования армянского народа также находит свое отражение в надписи: над грузинским царем Багратидом (так называет ведь Деметрэ вышеприведенная Гошаванкская надпись 1283 г.) есть еще верховный сюзерен—падишах Ирана Чингисид. Выразить яснее и точнее все существовавшие в Армении в монгольскую эпоху связи и отношения было бы трудно.

Независимый источник освещения и монгольскую официальную точку зрения мы находим уже в персидской надписи на стене т. н. мечети Мануче в древней столице Армении—Ани. Эта надпись, содержащая ханский указ (ярлык), была высечена по повелению монгольского властителя Ирана Абу-Саида Бахадур-хана в период между 1319 и 1335 гг., и скорее во второй, чем в первой половине этого периода, как полагает ученый издатель надписи академик В. Бартольд. Следовательно, Анийская персидская надпись младше Аручской армянской на несколько десятилетий. Этот указ, изданный для защиты населения от незаконных поборов, между прочим гласит: ...«пусть кроме тамги и справедливой пошлины ничего другого не взимают, и ни с какого человека под предлогом (податей) калан, немери, тарх и других ничего не требуют, как перед этим в городе Ани и других областях Грузии по причине (податей) калан, немери, незаконных ассигнований и (подати) тарх поборы производили и применяли насилие»... (Перевод Бартольда. Подчеркнуто нами. — С. Д.).¹ Следовательно, еще в двадцатых годах XIV века сами монголы Ани и Армению рассматривали в качестве одной из грузинских областей.

Одна из анийских армянских надписей, надпись (повидимому, еще более поздняя) над средними воротами

¹ В. Бартольд, „Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче“, С.-Пб., 1911. стр. 7.

первой стены города, содержит новое, очень важное указание: ... «За долгоденствие богом поставленного царя, падишаха и богомудрого князя князей... в царствование грузин над этой страной (იქ დაქმნულნი იყვნენ ქრისტიანნი)», когда столица Ани сделалась хасинджу, и в управление сим городом... патронами ага Григором и Ованисом и в епископство владыки «Оганиса»...¹ Т. е. арийские армяне свой город, как и всю страну, продолжают считать частью Грузинского государства даже в тот поздне-монгольский период, когда Ани находится уже в непосредственной зависимости от хана (или от какого-нибудь монгольского принца), что и обозначено здесь известным термином «хасинджу».

Идеологическая и даже психологическая сторона вопроса заключается в том, что армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем ее аппаратом управления как родную государственность и общегосударственные институты. Соответствующее сознание и находит свое выражение в таких формулах вышерассмотренных армянских надписей, как *царь грузин и армян, мандатурт-хуцес, амир-спасалар, атабег грузин и армян* и т. п. Это сознание пережило века. Вспомним, как крупнейший представитель армянской общественной мысли и историографии XV века Фома Мецопский, по поводу описанного им поражения, понесенного грузинами в 1440 году от «тавризского царя и владетеля» Джехан-шаха, говорит: «Поэтому (т. е. вследствие поражения грузин. — С. Д.) мы (т. е. армяне. — С. Д.), которые, находясь среди неверных, всегда гордились тем, что возлагаем свои надежды на грузин, отныне впали в отчаяние и сделались безответными перед лицом неверных».² Вспомним, как еще в конце XVIII века заброшенные на край света, в далекую Индию, армяне величают своим царем Ираклия II, царя карталино-кахетинского!

Как же в свете этих неоспоримых фактов выглядит научность разбираемого издания? Но вот еще штрих, ха-

¹ Эмин. цит. изд., 7.—Мы даем здесь свой перевод, т. к перевод Эмина неточен.
² Цитируем по изданию проф. Л. Меликсетбекова: „თანამედროველი“, ტფ. 1937, გვ. 29.

рактизирующий уже не только «научность», но и общест-
 венные позиции Токарского. Токарский считает необходи-
 мым давать точную транскрипцию армянских географиче-
 ских названий по - русски: Аван, Агарцин, Айге-
 стан, Таргманчац-ванк, Айриванк, Аршаруник, Быджни,
 Джрвеж, Ереруйк, Имирзик, Птгни, Хцконк и др. Здесь
 сохранен, между прочим, и признак именительного падежа
 множественного числа -к, хотя в самом армянском языке
 он является беглым и исчезает во всех косвенных паде-
 жих. В этой форме употребляет Токарский, в подавляю-
 щем количестве случаев, и название «Тайк», хотя грузин-
 ская его форма «Тао» имеет неоспоримое преимущество,
 представляя собой чистую основу имени и будучи засви-
 детельствована у Ксенофонта еще в 401 году до
 нашей эры. Но тот же принцип ломается, когда дело ка-
 сается некоторых очень важных грузинских географиче-
 ских названий.

Допуская, по какой-то оплошности, в двух случаях
 грузинское наименование столь интересующего его края
 «Тао-Кларджети» (в русской литературе обычно — Тао-
 Кларджетия), Токарский подвергает его искусственной
 эволюции: первый этап — «Тао-Кларджет» (...«в Тао-
 Кларджете (Чорохский бассейн)»... — стр. 109), второй
 этап — «Тао-Кларджия» (...«в архитектуре Тао-Клард-
 жии второй половины X в.»... — стр. 146), — здесь
 исключается не только суффикс -и, но и органически
 связанный с основой инфикс -ет-.

Нет сомнения, Токарский будет кивать на акад.
 Марра, — это, мол, он завел такие формы. Действитель-
 но, во второй период своей деятельности Марр ввел та-
 кое правописание. Но, во-первых, Марр был принципа-
 лен: рядом с «Кларджия» он не писал «Тайк», как это
 делает совершенно беспринципно Токарский, а—«Тао»
 или «Тайя». Во-вторых, и жизнь и наука отвергли эти
 искусственные формы: кому же из здравомыслящих лю-
 дей придет сейчас на ум писать «Мцхия», «Душия», «Ка-
 ралия», «Осия» вместо «Мцхета», «Душети», «Каралети»,
 «Осетия» и т. д. Однако, Токарский воскрешает эти давно
 позабытые, ошибочные написания, присоединяясь к числу
 тех, кто у больших ученых усваивает только их заблуж-
 дения. Почему же именно Токарского влечет к этим

формам? Ответ на этот вопрос мы находим на стр. стр. 202—203, где мы читаем: «Нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих стран, как неправильно поступает В. Беридзе в отношении искусства Юго-Осетии и Свани, на том лишь основании, что они являются составными частями Грузии». Прежде всего отметим, что памятники грузинской архитектуры имеются не только к югу от Кавказского хребта, в названных районах, но и к северу от него. Затем укажем, что с инфиксом -ет- в названии «Осетия» Токарский не справился: под таким наименованием знает сейчас весь мир одну советскую автономную республику и другую автономную область. Зато он справился с ним в другом названии, — не всякий читатель может догадаться, что Свания Токарского есть Сванетия на языке всех советских граждан и мировой исторической, географической, этнографической литературы. Токарский не учел только, что и форма «Сванетия» закреплена Советской Конституцией. Но главное заключается в том, что такая неотъемлемая часть грузинского национально-культурного коллектива, как Сванетия, веками живущая единой жизнью со всей остальной Грузией, в книге Токарского объявлена чуждым ей элементом, каким-то обособленным миром со своей собственной культурой; для обоснования же этой выдумки самым убедительным средством, в простоте душевной, признано искусственное изменение названия края, удаление из него всего специфически местного, народного. Так после южных провинций Грузии наступает очередь ее северных районов!

Как всегда в подобных случаях, и здесь за определенной практикой стоит определенная «теория». Напрасно мы стали бы искать научное понимание исторического процесса в книге Токарского. Вспомним хотя бы, как Токарский объясняет возникновение феодальных государственных образований в Закавказье. Тао-Кларджетия выделяется в самостоятельный государственный организм единственно по той причине, что армяне, якобы составлявшие здесь большинство населения, не хотели войти «в возрожденное армянское царство» вследствие религиозных разно-

гласий, хотя сохраняли много других связей со своими сородичами, а в объединенное Грузинское государство они не хотели входить исключительно вследствие разноплеменности происхождения, боясь усиления и ускорения процесса денационализации, огрузинивания; потом Тао-Кларджетия стала все-таки тяготеть к «формировавшемуся грузинскому государству» не по какой-либо иной причине, а исключительно «в силу происходившего огрузинивания коренного населения». Таким образом, в освещении столь большого вопроса мы не находим ни слова о материальных условиях существования людей и обществ, о хозяйственных и социальных связях, толкавших их к сплочению в естественно-исторические объединения, о путях общественного производства и обмена!

Все убожество общей методологии автора без труда можно вскрыть на конкретных фактах истории самой Армении. Почему само-то это возрожденное Армянское царство уже через несколько десятилетий после своего возникновения начинает дробиться? Почему из него выделяются Карсское и Лорийское княжества? Почему еще в 1020-ых годах происходит новое деление Анийского царства? Почему не тяготеют к Ани Васпуракан, Сисакан и др.? Ведь жили-то здесь, в чем, конечно, не сомневается Токарский, только религиозные единомышленники и единоплеменники!

Знакомясь с рассуждениями Токарского об армянской архитектуре XII—XIV вв., читатель вначале может подумать, что здесь уже ему предлагают новое понимание художественных явлений: «Рассматриваемое время характеризуется развитием городской жизни в странах Передней Азии. Пестрое по национальному составу население городов жило общей жизнью и не национальные или вероисповедные различия определяли появление в это время тех или иных форм, а как показывают сами вещественные памятники, в первую очередь прогрессирующее социальное расслоение различных групп населения» (стр. 217).

Но не тут-то было. Говоря об архитектуре крупнейшего города Армении, ее столицы Ани, Токарский пишет: «Интересную характеристику анийских правителей XIII—XIV вв. дает Н. Я. Марр: «Правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особенно твер-

ды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни. Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владельцам Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намека на какие-либо армянские народные бытовые черты»... (стр. 295). Казалось бы, картина, нарисованная Марром, вполне соответствует вышецитированному общему положению Токарского о характере городской культуры «сельджукской эпохи». Однако Токарский находит необходимым обратиться к далеким предкам с запоздалыми нравочениями по поводу отсутствия у них национализма, вместо того чтобы спокойно, исторически рассмотреть причины отсутствия национализма у одних и наличия его у других, причины и условия культурного воздействия одних народов на другие. Рассказывая, как некий парон Сахмадин для своего дворца в Мрене «берет за образец не анийский дворец парона или гостиницу, а мечеть Караман - капусу в Конии», Токарский пишет: «Парон Сахмадин не задумывался над тем, чтобы создать что - либо новое на основе родных форм, разработанных армянскими зодчими в начале века... Национализм верхушки армянского общества действительно «не выходил за порог церкви», так как подобная отделка портала нашла свое место не только во дворцах, караван-сараях (Селим) и притворах (Тамджирлу), но и на самих церквях, как это можно видеть, например, в Егварте»... (стр. 296—297).

Говоря так много о национальных формах сознания и творчества людей, национальных культурах, процессе становления национальностей, национализме, Токарский совершенно игнорирует марксистско-ленинское учение о нации, получившее классическую разработку в известных трудах товарища Сталина. Предвзятые, навязчивые идеи мешают Токарскому взглянуть на исторические яв-

ления объективными, научными глазами. Не имея на то абсолютно никакого права, как это было нами выше показано, Токарский включает население Тао-Кларджетии с его культурой в армянский национально-культурный мир, и вместе с тем исключает сванов и Сванетию из грузинского национально-культурного коллектива, несмотря на то, что сваны — грузинское племя, давно вошедшее в состав Грузинской нации, что сваны являются носителями общегрузинского национального самосознания, что грузинский язык для них является единственным языком письменности и культуры. Токарский не опасается того, что этот его выпад представляет собой старую погудку колонизаторов и империалистов даже не на новый лад!

Токарский считает, что армяне остаются таковыми, если они даже принадлежат к грузинской православной церкви. Конечно, один только вероисповедный признак не решает вопроса о национальной принадлежности. Но Токарский также считает, что все, кто принадлежал к армяно-григорианской церкви, уже по одному этому признаку должны рассматриваться в качестве армян. Иначе какое основание признать армянином Закария Мхаргрдзели? Токарскому невдомек, что еще в средние века формировавшиеся национальности состояли из разнородных в этническом отношении элементов, что для перехода людей из одной национальности в другую вовсе не нужно было столетий.

Мы рассмотрели ряд беспочвенных, и даже «подпочвенных» измышлений, грубых методологических и фактических ошибок в книге Токарского. Этого рода ошибки привели к тому, что важная, злободневная задача дать общий обзор развития богатой национальной архитектуры армянского народа осталась неразрешенной и будет ждать серьезных, подготовленных специалистов.

Мы показали также, как наряду с научной беспринципностью в этой книге дают о себе знать несвойственные советскому человеку, приводящие к прямой фальсификации истории общественные «принципы», достойные того, чтобы быть осужденными со всей суровостью. Советская историческая наука не может развиваться, не отмежевываясь решительно от всех подобных, антиобщественных и лженаучных, тенденций. Водораз-

дельная линия здесь пролегает не по каким-нибудь областным границам, — советская историческая наука единая, — она проходит между материалистическим пониманием истории и идеалистическим вздором, между строго научной точкой зрения и безнадежно отжившей схоластикой, между добросовестным, объективным изучением конкретного материала, правдивым освещением исторической действительности, с одной стороны, и тенденциозным ее искажением, с другой.

Ноябрь 1946 г.

Собрание М. И. Ульяновой

1946 г. 11 ноября

Л. 100/1

С. 1/1

С. 1/1

Удостоверение в том, что в настоящее время хранится в архиве М. И. Ульяновой 11 ноября 1946 г.

Ответственный за выпуск *Н. Павчинский*

Подписано к печати 27 января 1947 г.

Заказ № 30

Тираж 5,000

УЭС0352

Типография имени А. Ф. Мясникова „Заря Востока“,
Тбилиси, пр. Руставели, № 36,